

АЛЬТЕРНАТИВНЫ ЛИ РЕЛИГИОЗНАЯ И СВЕТСКАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ?

Выбор темы

Казалось бы, с выбором темы не должно возникнуть никаких вопросов — она задана оргкомитетом конкурса «Религия и нравственность», и одноименным сочинением Л.Н. Толстого. Эта тема, всегда актуальная и острая, стала теперь, действительно, особенно острой и особенно актуальной вследствие тех реставрационных переворотов и реформ (восстановление частной собственности, рыночной экономики, разрушения СССР, нарастающего процесса клерикализации и т.п.), которые пережила наша страна за последние два десятилетия. Подобного рода кардинальные перемены не только возродили прежние, как тогда представлялось, уже практически преодолены подходы и взгляды на проблему религии и нравственности, но и породили новые аспекты и акценты ее рассмотрения. Именно широта и многоплановость данной темы, которая заведомо не может быть исчерпана в сравнительно небольшом заданном объеме текста, настоятельно требует определиться со специфическим содержанием настоящей работы.

В ней будет рассмотрено три основных вопроса. Во-первых, никак нельзя не коснуться жизни и творчества «виновника» данного конкурса. Поэтому первым будет рассмотрен вопрос о том как Л.Н. Толстой понимал религию, нравственность и их взаимосвязь. Во-вторых, поскольку тема религиозной морали поистине необъятна, ее рассмотрение придется ограничить вопросом об апологетическом и критическом подходах к содержанию и оценке библейских заповедей.

Наконец, в-третьих, сегодня нельзя не затронуть центральную проблему любого мировоззрения — преодоления трагического финала человеческой жизни. Так что третьим станет вопрос о духовно-нравственном аспекте проблемы смерти и бессмертия человека. Именно при его рассмотрении особенно наглядно и убедительно обнаруживается принципиальное различие между религиозной и светской нравственностью.

Естественно, рассмотрение этих выбранных вопросов может быть осуществлено лишь в их первом приближении.

1. Л.Н. Толстой о религии, нравственности и их взаимосвязи

Не имея возможности сколько-нибудь подробно остановиться на рассмотрении истории жизни и взглядов Л.Н. Толстого, великого русского писателя и оригинального мыслителя, все же нельзя не сказать об этом, хотя бы коротко. Путь идейного и духовно-нравственного развития Толстого был противоречив и сложен. Будучи крещеным и воспитанным в православном духе, он очень рано проникся скептическим отношением к нему, а затем и нигилистическим его отвержением [1, с. 55-63].

Это прежде всего коснулось религиозной обрядности, культовой стороны православия, которую Толстой счел проявлением древнего колдовства и т.п. [2, с. 350-351 и др.]. Но в нем также рано возникло осознанное стремление к совершенствованию и сохранились некие остатки прежней веры.

«Я с шестнадцати лет, — вспоминает Толстой, — перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть. Я перестал верить в то, что мне было сообщено с детства, но верил во что-то» [1, с. 57]. Кажется бы, оставаться сделать последний и решительный шаг, понять-"все вероучения ложны» [1, с. 105].

Но необходимого для этого мужества, соответствующего жизненного опыта и последовательности мысли у Толстого не нашлось. Так что остаточные следы прежней веры и другие обстоятельства повернули мысль Толстого в принципиально ином направлении.

Не приняв христианства в его официально церковном смысле и виде, Толстой попытался придать и ему, и религии вообще собственную интерпретацию.

Естественно, это прямо сказалось на подходе Толстого к проблеме религии и нравственности, которую он решил вполне однозначно и категорично.

Во-первых, он считал религию всеобщим непреложным началом духовной жизни, исключая любое другое представление на этот счет. Так, Толстой утверждал, что «религиозное познание есть то, на котором зиждется всякое другое и которое предшествует всякому другому познанию» [3, с. 43]. Оно представлялось ему исконным и неопределимым, чем-то изначально заданным. Он обосновал также свое убеждение в том, будто «религия есть установленное человеком между собой и вечным бесконечным миром или началом и первопричиной его известное отношение.» [3, с. 44-45]. Во-вторых, Толстой прямо

выводил нравственность из религии. «Если религия есть установленное отношение человека к миру, определяющее смысл его жизни, — полагал он, — то нравственность есть указание и разъяснение той деятельности человека, которая сама собой вытекает из того или другого отношения человека к миру» [3, с. 45]. Так что, действительно нравственность представлялась ему непосредственно выводимой из религии, исключая какие-либо иные приемлемые варианты. В итоге появилась еще одна версия религии и нравственности, которая породила новые раздоры, конфликты, отлучение от церкви и т.п.

Как и в абсолютном большинстве аналогичных случаев, «камнем преткновения для Толстого стала проблема смерти, т.е. того, что для человека «значительнее всего в мире» [1, с. 64], и его бессмертия — «вечной жизни» в индивидуальной ли форме, конечного в бесконечном, слиянии с божественным и т.п. [1, с. 87 и др.]. Толстого, несомненно, крайне удручала безрадостность перспективы человеческого бытия, безысходный трагизм его финала. «Не нынче-завтра придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада червей [1, с. 66]. Естественно подобная участь не могла не удручать, и она настоятельно заставляла искать какой-то выход из такого положения. Однако

никакого иного, кроме религиозного, Толстой усмотреть так и не сумел, даже помыслить. Он был убежден, что «всякий человек, проснувшись к разумному сознанию, не может не заметить того, что все вокруг него живет, руководясь только теми требованиями, которые предъявляются ему его животной природой, — всякий человек, проснувшись к разумному сознанию, не может не

заметить того, что все вокруг него живет возобновляясь, не уничтожаясь и неуклонно подчиняясь одному определенному, вечному закону, а что он только один, сознавая себя отдельным от всего мира существом, приговорен к смерти, к исчезновению в беспредельном пространстве и бесконечном времени и к мучительному сознанию ответственности в своих поступках, т.е. сознанию того, что, поступив нехорошо, он мог бы поступить лучше» [3, с. 36-37] Именно неколебимая убежденность великого русского писателя и мыслителя в неизбежности смерти человека, обреченности человеческого индивида на небытие определила религиозную направленность духовного поиска Толстого, решения им проблемы религии и нравственности, который ассимилировал в своем учении и элементы пантеизма, и рационализм и многое другое, но, в конечном счете, принципиально ограничивал смысл прогресса, по существу, отрицал его, поск может отменить то время была бессильна перед лицом смерти [1, с. 61-62]. Но прогресс, в том числе научный, никто не может отменить.

Между тем именно успехи научно-технического и социального прогресса, спустя менее столетия со времени кончины Толстого, открыли новую эру человеческой истории — реальную возможность победы над смертью и достижения практического бессмертия человека. Поэтому уже теперь с достаточным основанием и уверенностью можно возразить Толстому, что смерть не является неизбежным, наука способна устранить ее фатальность, а в случае наступления смерти — вернуть человека к жизни. Можно также утверждать, что смысл жизни — в самой жизни, она сама по себе есть благо, поскольку, действительно, самоценна, тем более если человек в ее процессе служит высоким идеалам. Каждый человек решает те или иные свои насущные задачи, ближайшие и более отдаленные, но в то же время, осознавая это или нет, он своей деятельностью поддерживает эстафету поколений, ход человеческой истории и суверенность человеческого мышления, приближая всех к достижению заветной цели — обретению реального личного бессмертия. Однако подробнее о вкладе науки в решение данной проблемы речь пойдет уже в третьем разделе настоящей работы.

2. Библейские заповеди: апологетика и критика

Отсутствие возможности сколько-нибудь основательно рассмотреть содержание религиозной морали и другие ее стороны заставляет ограничиться таким презентативным компонентом, как десять заповедей (десятословие), или декалог, в Ветхом завете и Нагорная проповедь в Новом. Верующие, естественно, воспринимают их как нормы нравственной жизни,

данные богом и обязательные для руководства ими. Хорошо известен евангельский сюжет, когда на вопрос юноши: «Что нужно делать, чтобы наследовать жизнь вечную», — Иисус ответил: «Соблуди заповеди». Так что они, действительно, имеют принципиальное значение для христианского учения о нравственности, представляя собой его поистине существеннейшую часть. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, еще в бытность свою митрополитом Смоленским и Калининградским, также дал им исключительно высокую оценку. «Удивительно емкие десять библейских заповедей,— отмечает он, — работают повсюду» [4, с. 4]. И в самом деле, аналогичные нормы в свойственной им абстрактной форме присутствуют не только в других религиях, например в буддизме, но и различных светских кодексах, в каждом отдельном случае имея свое конкретно-историческое содержание и назначение. Этот факт является важным свидетельством общечеловеческого характера таких заповедей. Однако и многие неверующие, не принимая религию в целом, нередко склонны считать, что проповедь таких заповедей, как «не убивай» (и эта заповедь, и прочие встречаются в разных формулировках) и других служит распространению и укреплению нравственной жизни, т.е., имеет несомненное положительное значение. Между тем на сей счет бытует немало серьезных заблуждений, которые, без сомнения, заслуживают внимания.

Заповеди ветхозаветного декалога существуют в двух вариантах, с несколько разнящимися текстами, что, казалось бы должно исключаться их «боговдохновенностью». Первый из них находится во второй книге Библии «Исход» (20: 2–17), другой — в ее пятой книге «Второзаконие» (5: 6–21) однако текст их, как мне представляется, целесообразнее не сразу же сейчас, а в ином месте, чтобы более наглядным стало сравнение — что и как было в Ветхом завете и стало в Новом.

В качестве божественных моральных предписаний эти заповеди считаются данными на все времена и для любых обстоятельств. Однако в действительности они имеют свою реальную историю, их содержание претерпело вполне определенную эволюцию. В этой связи рассматривается четыре главных исторических периода: ветхозаветный социально-нравственный смысл этих заповедей, их новозаветная ревизия с соответствующими инновациями, богословская интерпретация заповедей вследствие превращения христианства в государственную религию Римской империи и, наконец, их современное значение и звучание. Недаром справедливо утверждается, что каждая эпоха имеет свою Библию, поскольку она в меняющихся условиях толкуется соответствующим образом, в ней расставляются необходимые акценты и т.п.

Согласно иудаизму и христианству, которая вышла из него, предписания декалога были даны богом пророку Моисею на горе Синай. Эти заповеди, по существу дела, представляют собой своего рода смысловую квинтэссенцию синайского, или Моисеева, законодательства, которому они предшествуют в библейском контексте в качестве своеобразного эпитафия. Иными словами, их смысл раскрывается соответствующими текстами, статьями, этого

законодательства. Например, упомянутая заповедь «не убивай» в ветхозаветное время не означала ничего иного, как только запрещение обычая кровной мести (Числ. 35: 11–13; и др.). Иначе говоря, она предписывала положить конец практике самосуда и передать исполнение карательных функций соответствующим органам формировавшегося тогда древнееврейского государства. Красноречивым свидетельством является тот показательный факт, что эта заповедь не только не исключала, но напротив, предписывала наказание смертью и ее самой (Лев. 24: 17), и любой другой. Так, первая заповедь декалога гласит: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Втор. 5: 6-7). Законодательство же разъясняет исполнение этой заповеди, в частности, следующим образом: «Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, (сын отца твоего или) сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена на лоне твоём, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: «пойдем и будем служить богам иным, которых не знал, ты и отцы твои», богам тех народов, которые вокруг тебя, близких к тебе или отдаленных от тебя, — от одного края земли до другого, — то не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывая его, но убей его; твоя рука прежде всех должна быть на нем, чтоб убить его, а потом руки всего народа; побей его камнями до смерти, ибо он покушался отвлечь тебя от Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; весь Израиль услышит сие и убоится, и не станут впредь делать среди тебя такого зла» (Втор. 13: 6-12). В том же духе текст продолжается и дальше. Именно такого рода предписания насаждали и закрепляли непримиримое отношение к идеологическим противникам, и сила этой традиции оказалась настолько огромной, к тому же неизменно поощряемой, что ее не удается преодолеть до сих пор. То же законодательство требует побивать камнями до смерти и тех, кто нарушает заповедь о субботе (Числ. 15: 32–36), и тех, кто нарушает заповедь о почитании родителей (Втор. 18: 18–21), и многих других за многое другое. Разумеется, запрещение обычая кровной мести было несомненным шагом вперед в человеческой истории и в правовом отношении, и в нравственном, и во всех остальных. Но вместе с тем совершенно не обосновано и не правомерно придавать и заповеди «не убей» и всем прочим некий исключительный особо возвышенный смысл, как это происходило и продолжает происходить сплошь да рядом.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, еще в бытность свою митрополитом Смоленским и Калининградским, так охарактеризовал декалог (десятословие). «Удивительно емкие десять библейских заповедей, — утверждает он, — работают повсюду» [4, с. 4].

Христианская ревизия библейского декалога была вызвана существенно новыми социально-экономическими и политическими условиями в Римской империи, статусом в ней первоначального христианства как оппозиционной и гонимой религии, происходившими переменами в духовно-нравственной сфере. Особенно ярко она проявилась в так называемой Нагорной проповеди Иисуса Христа, которая представлена в евангелии от Матфея [5-7]. В процессе

этого переистолкования особую «системообразующую» роль играла формула — «вы слышали, что сказано древним, а Я (т.е. Иисус Христос) говорю вам». В этой связи нельзя не отметить два следующих важных момента. Уже то, что это переистолкование шло под лозунгом верности старому закону, обусловило его логическую противоречивость и непоследовательность. Действительно, с одной стороны, христианские интерпретаторы Ветхого завета признавали его «богоданность», но, с другой — содержание прежних предписаний было во многом уже неприемлемым в сложившихся тогда исторических условиях. Это обстоятельство вынуждало христианских богословов «изменять вещи, меняя их названия, и находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением.

В качестве наглядного примера можно привести следующий фрагмент из евангелия от Матфея «Вы слышали, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его, ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но, да будет слово наше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого. Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [Матф. 5: 33-43]. С таким же успехом можно было бы привести и предыдущий текст, да и последующий тоже. Каждый из них достаточно красноречиво дает представление о главных особенностях христианско-нравственных наставлений. Одни считают их высшим проявлением моральной жизни, другие подобной их оценки не разделяют. Но в данном случае нет необходимости специально рассматривать эти поучения.

Интерес как раз, прежде всего, представляет именно упомянутая формула. Дело в том, что может показаться, будто она вполне адекватно отражает историческую реальность — в свое время и тогдашних условиях людям было сказано одно, а в теперешних и иное время — другое. Это выглядит вполне приемлемо, ибо всем хорошо известно, что все течет и меняется. Так оно и было бы, если бы Моисей дал людям эти заповеди исключительно от своего имени, а теперь другой человек, пусть даже в высшей степени авторитетнейший новый пророк, внес в них самые серьезные изменения. Однако, согласно Библии, все происходило принципиально иначе — заповеди десятизакония дал людям сам бог, триединство которого иудеи всегда отрицали и продолжают отрицать, тогда как коррективы в них внесло, по учению христианской религии, второе лицо божественной троицы — сын

божий Иисус Христос. Иными словами, Бог-сын кардинально ревизует установления для древних бога-отца, одному божественному авторитету противопоставляется другой божественный авторитет, они, по сути дела, сталкиваются между собой по «принципиальным соображениям». Под этим углом зрения сложившаяся ситуация уже не может выглядеть простой и очевидной, и данное обстоятельство не может не приниматься во внимание, быть просто проигнорированным, тем более, как утверждает апостол Петр, «Бог не знает изменений и ни тени перемены».

Если же обратиться непосредственно к христианскому переистолкованию заповедей ветхозаветного декалога, то прежде всего следует отметить, что первая из них не претерпела сколько-нибудь значительных изменений — она только приобрела характерную для христианской религии эмоциональную окраску и ее монотеизм был выражен более четко. В евангелии от Марка, например, говорится, причем с примечательным упором на принципиально новую идею воскрешения: «А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Итак, вы весьма заблуждаетесь. Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Марк. 12: 26-31)/ Показательно, что, во-первых в иудаизме ветхозаветного периода никакие библейские тексты в смысле посмертного воскрешения людей никогда не толковались, и именно в этом заключается одно из самых главных его отличий от христианства; во-вторых, в приведенном тексте Иисус, как ни странно на первый взгляд, обращается только к Израилю, а не ко «всем народам», как этого можно было ожидать, поскольку христианская проповедь поначалу, действительно носила местный, национальный, характер.

Вторая заповедь ветхозаветного десятословия гласит иначе, нежели в только что приведенном тексте. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои». (Исх. 20: 4-6). Она, по существу, продолжает смысл первой заповеди, и неудивительно, что, например лютеране, объединили их в одну, зато разделив десятую на две. Вторая заповедь декалога прямо направлена против «чужих» богов и культовых обрядов как непременных своих конкурентов. Что касается бога ревнителя, то, с одной стороны, приведенная его характеристика, разумеется, явно дисгармонирует с современными нравственными нормами и ценностями (не даром говорят: дети за родителей не отвечают, но, с другой — подобными представлениями

пытались объяснить такие, казалось бы, несуразные факты, когда например праведный человек страдал какими-нибудь уродствами и другими недостатками, а другой, заслуживающий всяческого порицания, напротив, благоденствовал и процветал.

И вторая заповедь декалога, как уже отмечалось, носила в ветхозаветном контексте преимущественно правовой характер. Однако с появлением христианства положение вещей заметно изменилось. Когда возникает новое общественное движение, каким в то время была христианская религия, оно по началу оказывается в оппозиции к существующим социальным порядкам и господствующей морали. Так случилось и с христианством. Поэтому оно особое внимание уделило как раз проповеди новых нравственных установок. Так, христианские проповедники, не отказавшись от осуждения идолопоклонства в ветхозаветном смысле, т.е. поклонения животным, священным рощам, камням и т.п. стали также предостерегать против идолопоклонства в смысле пристрастия к различным «земным» порокам. Апостол Павел, например, наставлял: «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними. А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [Кол. 3: 5-11]. И эта, и другая подобная ей тематика давала широкий простор христианской проповеди. Однако, как оказалось, далеко не просто было соблюсти нужную меру — тот или иной рьяный приверженец нередко превращался в весьма «постного» типа, которому становилось трудно служить образцом христианина. Бывали и более серьезные последствия. Например, осуждение такого порока как, стяжательство обернулось серьезным тормозом развития капиталистических отношений в России, в частности предпринимательства. Однако бороться с пороками оказалось далеко не легким делом. Тот же апостол Павел так обличал и увещевал: «Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело» [1 Кор. 5: 1-2]. Христианам и до сих пор приходится сталкиваться в своей среде с серьезными проблемами нравственного характера.

Третья заповедь декалога: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя его напрасно» [Исх. 20: 7] — не претерпела в христианстве сколько-нибудь серьезного изменения. И жречество, и священство прекрасно понимало психологическую опасность суетного употребления имени бога. Как говорил поэт: «Слова у нас до важного самого становятся, ветшают как платье. Но и в

данном случае христианским проповедникам не удалось покончить с этим пороком. В этой связи можно отметить лишь ту особенность ее христианского толкования, что новое вероучение отменило клятву вообще (Матф. 5: 33-37). Это явилось своеобразным отражением, выражением положения первоначального христианства в Римской империи и отношения к ней, которая спустя три столетия изменилась самым коренным образом.

Христианская ревизия четвертой заповеди десятословия, напротив, оказалась самой радикальной. Она гласит: «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай (в них) всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни (вол твой, ни осел твой ни всякий) скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его (Исх. 20: 8-11). Разумеется, текст ее не переписывался, ибо он неприкосновенен, поскольку принадлежит «священному писанию». По той же причине эта заповедь не могла быть и отменена, христиане ее просто заменили другой — о соблюдении воскресения. Естественно, богословы подобную замену попытались «обосновать», причем с существенными дополнениями, но противоречий и конфликтов оттого стало только значительно больше. Действительно, иудеи, например, по-прежнему, согласно заповеди, строго соблюдают день субботний, что крайне углубило пропасть, разделяющую их с христианами. Появились и христианские направления, в частности адвентисты, которые тоже продолжают чтить субботу, за что получили название «субботников» со всеми вытекающими отсюда последствиями. В свое время на Руси, отчасти по той же причине, возникло получившее широкое распространение движение так называемых «жидовствующих», лидеры которых в самом начале ху1 века были казнены — посажены в клетку и брошены в Москва-реку. Так что для многих доводы, в частности православных богословов, в пользу замены субботы воскресением, и в самом деле не показались сколько-нибудь убедительными, сочтя их недопустимо своевольными и произвольными, нарушением, «несоблюдением слова Божьего». В отличие от переистолкования четвертой, пятой заповеди декалога: «Почитай отца твоего и мать твою, (чтобы тебе было хорошо и) чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20: 12)-в раннем христианстве не было уделено большого внимания. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в Нагорной проповеди о ней по существу, нет ни слова, она никак не упоминается. Однако некоторые нововведения все же имели место. Так, с одной стороны, прежнее предписание безоговорочного подчинения детей воле родителей, и притом «во всем, ибо это благоугодно Господу» (Кол. 3: 20) осталось неизменным. Но, с другой стороны и вместе с тем, были предъявлены и некоторые требования и к родителям, «не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3: 21). Обоснование безусловной зависимости детей от воли родителей было, таким образом, перенесено теперь из сферы материальной,

как было прежде, в идеологическую сферу. Сущность же заповеди осталась неизменной. Можно сказать, что главная особенность раннехристианского подхода к пятой заповеди выразилась в подчеркивании новым вероучением и моралью приоритета религиозных отношений перед отношениями родственными. В евангелии от Луки, например, приводится следующее требование Иисуса Христа: «Он, обратившись, сказал им: если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лук. 14: 26). Сегодня подобного рода тексты христианские проповедники, разумеется, стараются не напоминать, ибо иначе их оправдания становятся особенно казуистичным и неубедительным.

При толковании шестой заповеди «Не убивай» (Исх. 20: 13] христианство уже не было связано с отменой обычая кровной мести, да и вообще перестало непосредственно ограничиваться установлениями синайского, или Моисеева, законодательства.

Эта заповедь подверглась весьма существенному переистолкованию. В Нагорной проповеди предписывается: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай, кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Матф. 5: 21-22). По смыслу эта заповедь во многом созвучна христианской идее непротivления (Матф. 5: 38–42), в учении Л.Н. Толстого заняла одно из главных мест.

К тому же христианские теологи объединили ее с заповедью о любви, превратив тем самым десятословие в одиннадцатословие. В евангелии от Иоанна приводятся такие слова Иисуса Христа: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Иоан. 13: 34). Эта «Связка» предоставила христианским проповедникам широкую тематику и возможность влияния на умонастроения последователей нового вероучения, представить основное содержание так называемого христианского гуманизма. Однако реализовать подобного рода гуманистические идеи на деле оказалось далеко не простым предприятием. Возникло немало противоречий, выявилась во множестве отношений явная непоследовательность и в идейных замыслах, и в их осуществлении. Двухтысячелетняя история христианства показала, что с самого начала и на протяжении всего последующего времени между его приверженцами возникли и продолжают до сих пор разногласия, распри и конфликты, разрешаемые весьма жесткими, а подчас и жестокими способами. Неудивительно, что христианам (и, разумеется, не только им, но и представителям других религий) так и не удалось устранить иноверие и его суровые последствия. В евангелии от Матфея говорится: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает. Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына человеческого, простится ему; если

же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Матф. 12: 30-32). А в евангелии от Иоанна в уста Иисуса Христа вкладывается такое предостережение: «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Иоан. 12: 6) И христианская история, как известно, дает тому немало свидетельств. Наконец, в связи с рассматриваемым вопросом уместно привести следующее новозаветное наставление: «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья» (Рим. 12: 20). Скорее всего и этот текст христианские проповедники не рискнут сегодня напоминать. Седьмая заповедь декалога: «Не прелюбодействуй» (Исх. 20: 12) — заняла в нагорной проповеди заметное место. В ней говорится: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.» (Матф. 5: 27-31). Так новая религия, порицая существующий уровень нравственной жизни и претендуя на утверждение более высокого, ужесточала моральные требования, нередко доводя их до крайности и лишь подчеркивая тем самым нежизненность подобных наставлений. Правда, в этой связи нельзя не вспомнить, например известный рассказ Л.Н.Толстого «Отец Сергей» [6, с. ,]но он, скорее, подтверждает этот вывод, чем опровергает его. К этим темам Иисус Христос обращался и в других новозаветных сюжетах. Так, в евангелии от Марка повествуется: «Подшли фарисеи и спросили, искушая Его: позволительно ли разводиться мужу с женою? Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей? Они сказали: Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться. Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь. В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. В доме ученики Его опять спросили Его о том же. Он сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует.» (Марк. 10: 2-12). Так что, с одной стороны подобного рода требования христианской нравственности были призваны укрепить семейно-брачные отношения, что, естественно, находило положительный отклик и поддержку, но с другой стороны, их очевидная категоричность не позволяла учитывать многочисленные и разнообразные жизненные ситуации, в которых развод мог

бы быть оправдан, вследствие чего люди нередко оказывались в трудном и, по существу, безысходном положении. Таким образом, реальные интересы людей должны были быть принесены в жертву догматическим нравственным установкам. Это принесло им немало бедствий и страданий, чему существует множество свидетельств.

Такого рода категоричность и догматичность нравственных предписаний обрекала множество людей на противоестественный образ жизни, вроде монашества и даже определенного одобрения скопчества (Матф.19: 12). По сути дела, в христианской морали остался архаично решенным и гендерный вопрос.

Восьмая заповедь десятословия: «Не кради» (Исх. 20: 15) — получила специфическую христианскую интерпретацию, поскольку новая религия возникла в особых социально-экономических условиях Римской империи. Требование соблюдения этой заповеди христианские проповедники не могли обосновывать ссылками на соответствующие постановления римского законодательства, по отношению к которому поначалу они находились в жесткой оппозиции. Христианство формировалось в среде низших слоев и потому среди его приверженцев богатых людей практически не было. Запрещение кражи поэтому рассматривалось прежде всего как необходимое следствие более общего требования соблюдать предписанный вероучением облик, важными чертами которого явились смирение и отрешение от земных благ. Первые христиане видели в богатстве лишь возможное серьезное препятствие к спасению. Хорошо известна новозаветная метафора о верблюде и игольном ушке. В то же время существование частной собственности, имущественного неравенства христианством не осуждалось, ибо и то и другое с его точки зрения является результатом божественного установления. Не меняют сути дела и упоминания об общности имущества. В «Деяниях святых апостолов» сказано: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4: 32). В Новом завете встречаются и иные аналогичные повествования и высказывания. Именно на них некоторые последователи этой религии пытались обосновать принципы христианского социализма, которые, однако, не получили сколько-нибудь широкого распространения и признания, а тем более практического осуществления.

Девятая заповедь декалога: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20: 16) — претерпела определенное переистолкование. Суд Римского государства был объявлен «судом нечестивых», в который христиане не должны были обращаться со своими проблемами, а разрешать их в собственной среде. Апостол Павел увещевал: «Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?»

Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейски? А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляете своими судьями ничего не знающих в церкви.

К стыду вашему говорю: неужели нет между вам ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом перед неверными. И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев. Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6: 1-10). И хотя приобщение к новой религии должно было способствовать очищению разного рода пороков, приведенный пространный текст является показательным и красноречивым. Ее последователям было запрещено осуждать что-либо и кого-либо, поскольку судьей, как считали христиане, является только бог. Новый смысл, приданный этой заповеди заключался также в том, что под лжесвидетельствованием и лжесвидетелями стали пониматься те, кто выступал против нового вероучения (Марк. 14: 55-56). Последнее стало применяться впоследствии особенно широко.

Особый интерес представляет собой заключительная, десятая, заповедь ветхозаветного декалога. Она гласит: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, (ни поля его,) ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, (ни всякого скота его,) ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20: 17). Именно эту заповедь, как уже упоминалось, лютеране разделили на две, выделив слова «Не желай жены ближнего твоего» в отдельную заповедь, как бы связав ее по смыслу с седьмой. Примечательно, что эти слова не первые в этом тексте, но они первые во втором варианте декалога в книге «Второзаконие». Небезынтересно также, что, строго говоря, особо подчеркивая в Нагорной проповеди греховность вожделенного взгляда мужчины на женщину, евангелия нигде специально не оговаривает греховность такого же взгляда женщины на мужчину, как и греховность желания чужого мужа. В отношении женщины и то, и другое по сути дела предполагается как нечто само собой разумеющееся.

Десятая заповедь единственная, сравнительно подробно расписана, несущая на себе явно выраженную конкретно-историческую печать. И особо примечательно, что в Новом завете десятая заповедь в этой своей ветхозаветной формулировке нигде не встречается. Вместо нее апостолом Павлом используются более абстрактная. Он разъясняет: «Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай» (Рим. 7: 7). Таким был еще один прием христианской религии ветхозаветного десятословия, который давал широкий простор для проповедников новой религии, позволяя избежать обязательного повторения выражений, ставших неуместными и непопулярными в изменившихся условиях.

Разумеется, переистолкование декалога отнюдь не исчерпывает содержания христианской морали. Не были, например, рассмотрены так называемые заповеди блаженства (Матф. 5: 3-20) и многое другое. Но все это

не имеет прямого отношения к декалогу, о котором в данном случае и шла речь главным образом.

Как уже не раз отмечалось, с превращением первоначального христианства из религии оппозиционной и гонимой в государственную религию Римской империи его статус и роль в жизни общества изменились кардинальным образом. Такой знаменательный результат, достигнутый в течение примерно трех столетий, был далеко не случайным. Прежде всего, он явился следствием объективной потребности в появлении над национальной, мировой, религии на Ближнем Востоке и в Европе, которая была призвана, с одной стороны, содействовать созданию мощных государств с единой идеологией, а с другой — преодолеть нарастающую бессмыслицу усугубляющихся бедствий и страданий людей в рабовладельческом обществе посредством веры в посмертное воздаяние и продолжение их существования в потустороннем мире, поскольку в национальных, племенных, верованиях преобладали представления о том, что бессмертны только боги, а не люди, отрицалось бессмертие души и т.п.

За эти столетия произошло немало значительных событий: в целом ряде проигранных восстаний потерпел поражение воинствующий мессианизм, на смену которому пришел мессианизм смиренный, выжидательный, пассивный, примиренческий, нашедший свое наиболее полное и последовательное проявление в новозаветных установлениях христианской религии. Ее приверженцы признали власть римского государства в качестве божественного установления, четко разделили то, что кесарю и что богу, признали право частной собственности, рабства, имущественного неравенства, социальной несправедливости, непременно подчеркивали свою заботу не о том, чтобы сделать рабов свободными, а о том, чтобы сделать их добрыми, т.е. стремились истолковать существующие в современном им обществе отношения и проблемы с позиций лояльности и духовно-нравственных установок христианской догматики, в чем особую роль сыграл период патристики.

Почти полуторатысячелетний период богословской интерпретации христианской догматики, в частности библейских заповедей, заведомо не может быть сколько-нибудь обстоятельно рассмотрен в настоящей работе. В этой ситуации представляется вполне оправданным обратиться к такому презентативному в данном отношении сочинению, как «Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви», написанном московским митрополитом Филаретом (Дроздовым) в позапрошлом столетии, в котором в форме вопросов и ответов излагалось основное содержание православного вероучения, в том числе богословская интерпретация десяти библейских заповедей.

В Катехизисе очень четко перечислены основные «должности», требования, вытекающие из первой заповеди декалога. К их числу относятся такие обязанности верующих, как «учиться богопознанию, как важнейшему из всех знаний» [7, с. 128], бояться Бога, повиноваться Богу, то есть непрестанно быть готовым делать то, что Он повелевает, «и не роптать, когда

Он не то делает с нами, чего бы мы желали» [7, с. 128–129] и т.п. В нем также определены и грехи против этой заповеди, главным из которых является грех человеконадеяния, «когда кто надеется на способности и силы свои или других людей, а не на милость и помощь Божию» [7, с. 130].

Показателен и следующий текст Катехизиса. На вопрос: «Кто замещает место родителей?» — он дает такой ответ: «1) Г О С У Д А Р Ь; потому что государство есть великое семейство, в котором отец есть государь. 2) П А С Т Ы Р И и У Ч И Т Е Л И духовные; потому что они учением и таинствами рожают нас в жизнь духовную. 3) Прочие Н А Ч А Л Ь С Т В У Ю Щ И Е и все О Т Е Ч Е С Т В О. 4) В О С П И Т А Т Е Л И и Б Л А Г О Д Е Т Е Л И. 5) С Т А Р Ш И Е В О З Р А С Т О М» [7, с. 145]. В том же духе толкуются и другие аспекты декалога.

Естественно, рассмотрению этой темы было посвящено огромное количество разнообразной богословской литературы. Например, священник А.В. Алексеев в книге «Поучения на десять заповедей закона Божия» следующим образом разъясняет восьмую заповедь десятословия. Он особо замечает, что «бедность есть великое искушение человеку на земле, и многие люди грешат по причине бедности». А далее священник описывает усугубляющуюся проблемную ситуацию: «Что если он (отец в минуты страшной нужды своих де-тей. — И.В.) видит чужое золото, никем не хранимое, которое он может взять так, что никто этого не заметит и никто его подозревать не станет? ЧТО, если бедняку этому известно, что хозяин золота — человек расточительный, который мотает богатство свое на вещи пустые и бесполезные, который и это золото истратит на пустяки? Сколько потребно веры в промысл божий, сколько нужно иметь страха Божия, чтоб устоять при таком искушении в такой нужде!» И затем делаются выводы с соответствующими настроениями: «Итак, не укради, как бы ни была велика твоя бедность, как бы ни было удобно украсть...» [8, с. 154, 156]. В таком же «утверждающем устои» относятся к ключу толкуются и остальные заповеди декалога, включая все, которые, казалось бы относятся к сугубо духовно-нравственной сфере.

Следовательно, при рассмотрении десяти библейских заповедей речь должна идти не о том, какой субъективный смысл произвольно вкладывается в их, чаще всего, крайне абстрактную форму, а об их конкретно-историческом содержании и тех целях, которые преследуются проповедью этих заповедей. Оно также показывает, что неверным является суждение, будто «нравственное начало у всех людей единое» [4, с. 4]. Действительно, например, хотя и иудеи и христиане исповедуют заповеди десятословия, первые не признают принципиально значимых нравственных предписаний Нагорной проповеди и вообще Иисуса Христа как сына Божия и спасителя. Трудно согласиться и с тем богословским утверждением, что наука не может «объяснить происхождение нравственности» [4, с. 4]. Напротив, в научном познании эта проблема решается вполне обоснованно и именно с позиции принципа историзма. По этой теме существует огромное количество серьезно философской и вообще научной литературы. Православное богословие не

устраивает также вывод науки о том, что «моральные нормы являются релятивными, привязанными к конкретному социальному, экономическому, культурному или национальному контексту» [4, с. 4]. Однако, в действительности, дело обстоит именно таким образом, о чем свидетельствует и история заповедей декалога, и нравственности вообще. Но в этой области есть так сказать, абсолютный момент: нравственность непременно регулирует именно человеческие отношения, а через их призму отношение человека к природе, животным и т.п. Таким образом, данная проблема должна решаться и решается последовательно диалектично, не апеллируя к вере в существование бога.

Что касается современного богословского толкования десяти библейских заповедей, во-первых, по этому поводу уже было высказано несколько замечаний, а во-вторых, теперь богословы рассматривают с неизменных догматических позиций преимущественно современную проблематику. Наиболее интересным и убедительным примером представляется сегодня проблема достижения реального личного бессмертия.

3. Проблема смерти и бессмертия человека: духовно-нравственный аспект

Как уже не раз отмечалось, «камнем преткновения» для Л.Н.Толстого и большинства других мыслителей, разрабатывавших свое собственное учение, стало решение проблемы смерти и бессмертия человека — центральной проблемой любого мировоззрения. В истории духовной жизни человечества, на мой взгляд, явно обнаруживается тенденция пессимистических представлений в этой области представлениями оптимистическими.

Действительно, на протяжении многих тысячелетий люди жили с неколебимым убеждением, что бессмертными могут быть только боги или бог, но не сами люди, которых их творцы создали преднамеренно смертными, чтобы те заведомо не могли восстать на них перед угрозой неминуемого поражения и гибели. Свидетельством тому могут быть бесчисленные мифологические сказания шумеров, вавилонян, древних евреев и многих других [9, с. 33–34; и др.]. И только около двух с половиной тысяч лет тому назад, т.е. в середине первого тысячелетия до н.э., когда стал формироваться первая мировая религия — буддизм и философия как новый исторический тип мировоззрения и форма общественного сознания, стали предприниматься все более настоятельные попытки преодолеть в области духовной жизни бессмыслицу и безысходность человеческого бытия в условиях классово-антагонистического общества. Одним из первых мыслителей, предпринявших такой интеллектуальный прорыв, стал Сократ, который отстаивал идею о том, что смерть является «отрешением души от тела» [10, с. 335]. Примечательно, что он, будучи приверженцем представлений о метемпсихозе, сразу же вышел на рассмотрение нравственных аспектов данной проблемы, утверждая, в частности, что в зависимости от тех или иных злоупотреблений в реальной земной жизни в жизни посмертной люди могут превратиться в ослов,

ястребов, коршунов и других животных, тогда как философы и вообще все те, кто любит познание, еще при жизни стремятся освободиться от бренного тела и заполучить лучшую долю в потустороннем мире [10, с. 363–364]. Но до возникновения христианства оставалось еще четыре столетия, а ислама — одиннадцать. Между тем именно эти религии наиболее полно и последовательно воплотили веру в посмертное воздаяние и загробное бытие людей, придав им масштабность и глубокую укорененность. В такого рода верованиях подходов и в и проявилась оптимистичность (точнее — квазиоптимистичность) подходов и взглядов на трансцендентное личное бессмертие. Это религиозно-оптимистическое направление разрабатывалось самыми разными мыслителями, в частности И. Кантом, который, обосновав несостоятельность богословских доказательств бытия бога, в то же время счел необходимым выдвинуть три постулата — о свободе воли, бессмертии души и существовании гаранта посмертного воздаяния бытия людей. И подобный список можно было бы бесконечно продолжать.

В противоположность этой линии материалистическая и атеистическая философия, всегда стремившаяся опираться на достижения научного познания последовательно отрицала существование потустороннего мира, концентрируя внимание людей на решении реальных земных человеческих проблем. Они исходили из убеждения о неизбежности и неотвратимости с которой остается только примириться, поскольку наука свидетельствовала тогда о своей бессилии перед трагическим финалом человеческой жизни (Демокрит, Эпикур, П. Гольбах, Л. Фейербах, Л. Бюхнер, В. Белинский, Н. Чернышевский и др.). Так несомненное достоинство этого направления обернулось его серьезным недостатком. Но оно не было совершенно безысходным и бесперспективным. Так, А.И. Герцен, считая, с одной стороны невозможность прожить людям несколько столетий «тяжелой истиной, с которой остается только «примириться, сладить, поскольку ничего изменить невозможно», с другой — утверждал в то же время: «Старчество и болезни протестуют своими страданиями против смерти, а не зовут ее, и, найди в себе силы или вне себя средства, он победили бы смерть» [11, с. 387]. Что касается марксистской философии, то она, хотя и внесла заметный вклад в разработку диалектики жизни и смерти, опираясь на соответствующие идеи Г. В. Ф. Гегеля, все же, в конечном счете, разделяла материалистическую традицию в этой области, считая, что жизнь есть самоотрицание, смерть — ее необходимый результат и т.п. [12, с. 610–611]. Вместе с тем эта философия разработала ряд ценнейших идей методологического характера (противоречивость природного процесса жизни, историчность вечных законов природы, диалектичность свободы и необходимости, позволяющей планомерно заставлять действовать познаваемые законы для достижения определенных человеческих целей, и т.п.), которые непосредственно способствовали современному нетрадиционному решению проблемы смерти и бессмертия человека [13, с. 210–212]. Таким образом, до недавнего времени материалистическая традиция в истории философской мысли представляла собой проявление научно-пессимистического подхода и взгляда на решение

данной проблемы. Особый вклад в ее решение внесла русская философия. Именно в истории русской философской мысли произошел переход от смертнического материализма к материализму бессмертническому (К.Э. Циолковский, биокосмисты и др.), меняется смертническая парадигма на бессмертническую, что является одной из важнейших характеристик современной научной революции [14, с. 221–382].

Наиболее полно и последовательно научно-оптимистический подход и взгляд на решение данной проблемы представлен сегодня в концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения, достижения реального личного бессмертия. Поскольку работы участников конкурса будут размещены на сайте ИФ РАН и труд читателей значительно расширится, необходимо внести ряд уточнений и дополнений в понятийный аппарат упомянутой концепции.

Прежде всего следует подчеркнуть, что под «реальным личным бессмертием» понимается не его аллегорическое значение в её смысле бессмертия в делах, потомках и их памяти, не трансцендентное личное бессмертие, отождествляемое с посмертным существованием людей в потустороннем мире, и не как абсолютное бессмертие, принципиально исключающее смерть вроде признания бессмертия души. Под ним понимается бессмертие относительное, именно «практическое бессмертие человека», т.е. допущение реальной возможности достижения человеком способности оставаться молодым, точнее — сохранять оптимальные параметры своей телесной и духовной жизнедеятельности, и жить неограниченно долго, без каких-либо видовых границ, настолько долго, что можно было бы утверждать — человек стал практически бессмертным.

Но достижение реального личного бессмертия, или практического бессмертия человека, как бессмертия относительного, не исключает смерть как случайное событие от той или иной внешней причины (неожиданная травма, неизвестная болезнь, против которой пока не найдено средство лечения, космическая катастрофа и т.п.) и потому возникает задача восстановления человеческой жизни, возвращения способности к беспредельному индивидуальному бытию, иными словами, реального воскрешения человека. Поэтому концепция реального личного бессмертия называется также концепцией практического бессмертия человека и его реального воскрешения. Для краткости обозначение данного круга проблем и их исследования было введено понятие «иммортологии» — науки о бессмертии, которое, по существу, является феноменом «научного иммортализма».

Понятия «практическое бессмертие человека» и «реальное воскрешение человека» как раз наиболее точно и полно выражают именно мировоззренческое значение и звучание конечной цели продления и восстановления жизни, являются научной альтернативой религиозно-мистическим верованиям о трансцендентном, посмертном, существовании и воздаянии, ибо смерть должна быть поправа не смертью, как в христианских верованиях, а реальной жизнью. Тем самым научно-философское понимание данной проблемы, прежде всего, означает отсутствие в человеке принципиально неустранимого имманентного основания его смерти, ее

неотвратимости, фатальности. В итоге должна быть обеспечена свобода выбора человеком между старостью и молодостью, между жизнью и смертью, а значит и реальным личным бессмертием, ибо даже оно, как, например, в легенде об Агасфере, не должно стать возможным наказанием (хотя это, разумеется, несравненно лучше, чем нынешнее «наказание» естественной смертью). Таково требование неогуманизма, главной составляющей которого является иммертогуманизм, или бессмертнический гуманизм.

Между тем сегодня человек как раз не свободен перед лицом старения и трагического финала своей природной и социальной экзистенции. Такое безысходное положение вещей становится принципиально нетерпимым для человека в контексте современных успехов научно-технического и социального прогресса, и потому отныне не должно быть никакого примирения ни с тем, ни с другим. Современная философия и наука в целом бросают вызов смерти. Его надо осмыслить и поддержать, отказаться от снобистского отношения к этой проблеме. Рассмотрение данного круга проблем требует последовательно творческого подхода, неустанных усилий, направленных на преодоление смертнических традиций, доминирующей смертнической парадигмы, обоснования научно-оптимистического поиска конструктивных инноваций, утверждающих торжество жизни над смертью.

Крайне важно осознать ту новую тенденцию, что если до самого недавнего времени широкий круг ее проблем рассматривался в сугубо теоретической, можно сказать — натурфилософской плоскости, то теперь их исследование все более переходит в плоскость практическую. В периодической печати и Интернете буквально ежедневно появляются научные сообщения о новых достижениях в данной области научного поиска. И было бы более чем странной и недопустимой безответственностью игнорировать этот очевидный факт и социальный запрос. Однако, к сожалению, при всем поражающем воображение многообразии и разнообразии научно-философской тематики, рассмотрению проблемы смерти и бессмертия человека, тем более в научно-оптимистическом ключе, места практически не находится, как будто нет никакой смерти, как будто она не ожидает каждого из нас со всеми связанными с ней драматическими и трагическими последствиями. Это обстоятельство лишний раз наглядно свидетельствует о страшной и столь трудно устранимой мощи «традиций мертвых поколений», продолжающих, «как кошмар», тяготеть над нашими умами.

Нужно отметить, что сегодня на одно из первых мест обсуждения и разработки концепции практического бессмертия, наряду с продолжением исследований ее философских оснований, социальных факторов, естественных и технических предпосылок, выходит правовое обеспечение решения данного круга проблем и рассмотрение их нравственно-гуманистических аспектов.

Несмотря на все серьезные трудности и сложности преодоления традиционных установок, наличие тех или иных «белых пятен», сомнения и колебания, прямое противодействие со стороны религии и консервативно мыслящих ученых, она уверенно выходит на передний край научно-

оптимистического поиска действенных путей и средств совершенствования человеческого общества и самого человека.

С особой определенностью данный вектор развития философии, естественных, технических и социально-гуманитарных наук, культуры в целом проявился в последние полтора десятилетия. Подтверждением справедливости этого утверждения могут служить такие фундаментальные открытия, как расшифровка генома человека, фермента теломераза, регенерация стволовых клеток, успехи протеоники, крионики, нанотехнологии, «компьютерного бессмертия» т.е. кодирование психической жизни личности, передача этой информации на соответствующие материальные носители и возвращение ее клонируемому организму [15, с. 260–261], и многие другие. Но это, разумеется, отнюдь не последнее слово науки.

Последовательно и неуклонно нарастающий научно-технический и социальный прогресс, несмотря на всю его противоречивость, открывает новые возможности и горизонты решения встающих перед людьми проблем, в том числе и главной среди них — смерти и бессмертия человека. В научном обиходе вполне закономерно появляются новые понятия и термины, они нередко обретают поистине эпохальное значение. К их числу, несомненно, принадлежит еще совсем недавно никому неизвестное слово — «синбиология». Речь идет о создании нового направления, которое занимается созданием синтетической, искусственной, жизни. Оно открывает принципиально новые возможности и перспективы решения как рассматриваемой проблемы, так и многих других.

Еще вначале позапрошлого, 2008-го, года появилось сообщение в журнале «Science» о том, что впервые в мире была сконструирована искусственная хромосома [16]. Это, действительно, был поистине сенсационный прорыв в данной области исследований. О нем говорилось в статье биолога и бизнесмена Крейга Вентера, опубликованной в упомянутом журнале. Именно в ней он заявил о создании синтетических генов, которые были собраны в лабораторных условиях из химических соединений. Иначе говоря, ни больше — ни меньше, удалось скопировать механизм наследственности, благодаря которому воспроизводят себя все живые организмы, в том числе и человеческий. Очень показательно, что Вентер в 90-е годы минувшего столетия принимал активное участие в знаменитом проекте по расшифровке генома человека, будучи одним из его руководителей. Вместе с Гамильтоном Смитом, нобелевским лауреатом, он трудится в собственном институте J Craig Venter Institute (г. Роквилл, шт. Мэриленд, США). Синбиологические исследования начались еще в 2002 году, когда на решение проблемы получения искусственной жизни американское правительство субсидировало более 3 млн. долларов.

В 2007-м, году оба эти исследователя создали гибридный организм посредством пересадки генов одной бактерии в другую, которая после данной процедуры жила и размножалась. Тогда они и занялись синтезом искусственной ДНК. В конечном итоге получилась цепочка, состоящая из 582

тысяч звеньев, воспроизводящая 485 генов бактерии, т.е. полный ее геном. Эти ученые намерены ввести синтетическую хромосому в клетку, чтобы она могла воспроизвести себя и тем самым превратиться в новую форму жизни — искусственную. Таким образом, действительно, впервые в мире сконструирована искусственная хромосома. Теперь на повестке дня — создание искусственной жизни, до нее, как утверждается, остался всего лишь один шаг [16]. Но именно такой «последний шаг» оказывается, как известно, самым трудным и нередко очень долгим.

Как бы там ни было, такого рода исследования, несомненно, позволят ответить на очень многие вопросы, включая наиболее фундаментальные проблемы мировоззренческого и духовно-нравственного характера, например о природе так называемой «души» и т.п. Такого рода фундаментальные открытия и перспективы закономерного развития научного познания не следует воспринимать как какие-то «страшилки», какие-то «ужастики». Ведь все, в принципе, останется, практически, по-прежнему. Просто многие наши представления станут более точными и строгими, освободятся, подчас от очень древних, иллюзий и суеверий. Но именно в этом, по существу дела, все мы непосредственно и заинтересованы.

И все же, по моему глубокому убеждению, первое место среди всех упомянутых до сих пор достижений, несомненно, принадлежит сегодня обнаруженной теперь реальной возможности клонирования человека. Оно открывает неведомые ранее горизонты укрепления здоровья людей, сохранения их молодости, продления человеческой жизни и ее восстановления, причем, по существу дела, никто такую возможность, в принципе, не отрицает. «Выражаясь простым языком, — считает Г. Фонтанов, — клонирование — это получение идентичных организмов путём бесполого размножения. То есть, древний способ зачатия в этом случае игнорируется абсолютно» [17]. Но это, на мой взгляд, не совсем так. Во-первых, «древний способ» не только не отменяется, но он был и останется основным. Во-вторых, клонирование должно происходить из такой же клетки, которая раньше была получена именно половым способом. Так что клонируемое живое существо, в том числе человек, во многом должно стать идентичным и телесно, и психически некогда уже выросшему из такой клетки, причем степень идентичности будет все время возрастать. К тому же человек, родившийся посредством клонирования, будет точно знать, кем он был в своей предшествующей жизни благодаря видеозаписям, фотографиям, различным документам, свидетельствам родных и близких, не говоря уже о реализации возможностей «компьютерного бессмертия».. Так может быть осуществлена известная идея реинкарнации человека, но только с точным знанием своих предшествующих жизней и ее современным прочтением.

Небезынтересно, что слово «клонирование», как сообщает тот же Г. Фонтанов, было упомянуто в английском словаре биологических терминов еще около ста лет тому назад, причем за это время оно успело не раз изменить своё значение [17], что весьма примечательно. Его корни уходят в греческий язык и означает «веточка, отпрыск, побег». Неудивительно, что поначалу этот

термин применялся в отношении группы деревьев, которые были получены от одного дерева «не семенным способом». Затем он стал применяться в отношении выращивания «культур бактерий», а позже и земноводных, например в связи с клонированием лягушек и т.п. Положение вещей изменилось самым существенным образом, когда ученые приступили к клонированию млекопитающих.

Впервые (во всяком случае, как об этом было сообщено и стало всем известно) это произошло 5 июля 1996 года, т.е. уже почти полтора десятка лет тому назад, в городе Мидлотиан (Шотландия). Именно тогда и родилась ставшая знаменитостью клонированная овечка, которой присвоили идентификационный номер 6LL3 и получившая имя Долли (так ее назвал один из пастухов, помогавший появиться ей на свет, в честь знаменитой кантри-певицы Долли Партон, поклонником которой он был). Она была первым клонированным млекопитающим, причем из клетки уже взрослой особи. Поэтому прожила Долли всего шесть с половиной лет. Умерла она от «прогрессирующего заболевания лёгких», что породило необоснованное мнение о нежизнеспособности клонированных существ. Однако данное обстоятельство, несомненно, имеет сугубо преходящий характер.

Объективная логика развития событий с необходимостью поставила на повестку дня вопрос о клонировании человека. И такого рода сообщения не заставили себя долго ждать. Уже в конце 2002 и в начале 2003 годов появилась первая сенсационная информация о будто бы клонированных людях. Их чередой положила начало, как сообщалось, клонированная девочка под символическим именем Ева, родившаяся, согласно этой информации, 26 декабря 2002 года. Об этом событии сообщила Брижит Буаселье, директор специально созданной исследовательской фирмы Клонэйд. Она тесно сотрудничала с футурологической сектой raelians (раелитов), основателем которой считается некий Раель (он же французский журналист Клод Ворийон), живущий в Квебеке (Канада) и называющий себя пророком. Раель, в частности, уповает на то, что со временем будет достигнуто ускорение роста клеток и тогда ученые сумеют переносить информацию из мозга состарившегося человека в его более молодую копию [18].

Члены этой секты, активистской которой является как раз Брижит Буаселье, веруют, будто бы земляне произошли от инопланетян, и видят именно в клонировании путь к бессмертию. Раелиты полагают, что люди появились в результате экспериментов по клонированию, которые проводили инопланетяне, а также верят, что посредством этого метода был возрожден и сам Иисус Христос. Так модернистские секты, с одной стороны, пытаются оперативно реагировать на новые открытия науки и реальные ее достижения, интерпретируя их в интересах своих верований и тем самым дискредитируя, объективно ценные успехи научного познания, вызывая к ним недоверие и сомнение. Но этот скепсис, разумеется, совершенно необоснован и неправомерен. А с другой стороны, эти секты могут стать опасными конкурентами для традиционных религий, которые принципиально отвергают клонирование человека.

За минувшие годы, согласно постоянно поступающей информации, фирма Клонэйд будто бы клонировала уже немало людей, как и конкурирующий с ней итальянский профессор Северино Антинори, директор Института репродукции человека в Риме. Стали поступать аналогичные сообщения и от других исследователей. Однако их достоверность более чем сомнительна, поскольку ни Брижит Буаселье, обещавшая сначала скорую научную экспертизу идентичности клонируемых детей, ни Северино Антинори, ни кто-либо другой такую экспертизу так и не допустили. Дело в том, что в сложившихся обстоятельствах как раз наглядно проявились недостатки существующего законодательства, т.е. регулятивные нормы именно правового характера.

Более чем показательным, что, как только появилось сообщение о клонировании ребенка, адвокат из Флориды (США) Бернард Сигел из Майами потребовал лишить отца и мать Евы их родительских прав, если и в самом деле выяснится ее рождение посредством клонирования вопреки, как он считает, действующим в США запретительным установлениям относительно исследований в этой области. Естественно, что существующие такого рода запреты, порождаемые ими осложнения, угрозы применения санкций к родителям клонированных детей отнюдь не могли прибавить им откровенности и открытости. Так был дан повод для отказа от обещанной экспертизы — родители и другие участники события удовлетворены, а остальное — уже не столь важно. Между тем, разумеется, без такой открытости и откровенности, без гласности и строгого контроля становятся весьма вероятными всякого рода мошенничества, злоупотребления и вообще нежелательные, даже преступные, деяния. Они способны лишь опорочить идею клонирования человека, чем не преминули воспользоваться противники применения этого научного метода.

Так что, скорее всего, сообщения о клонировании людей представляют собой нездоровую сенсацию. Однако вместе с тем вполне обоснованно утверждается, что если процесс развития клеток, которые получены в результате клонирования (в том числе в так называемых «терапевтических целях»), не останавливается на пока что предельном 14-дневном сроке, и эмбрион помещается в матку женщины, то такой эмбрион превратится в плод, а в дальнейшем в ребенка. Таким образом, в определенных условиях «терапевтическое» клонирование может, в конечном счете и должно превратиться в «репродуктивное». Но как раз на такое развитие эмбрионального процесса чаще всего и налагают запрет национальные законодательства. Иначе говоря, даже если сегодня и нет клонированных людей, то возможность их появления вполне реальна. Так что проблема поставлена и ее надо решать, в том числе не только в правовом, но и духовно-нравственном отношении.

Между тем клонирование человека, действительно, открывает многообещающие перспективы для решения многих заветных и насущных проблем. «Так как во многих странах клонирование запрещено, — отмечает уже упоминавшийся Г. Фонтанов, — то ученые, пытаясь найти хоть какие-то

возможности продолжать свои эксперименты, придумали термин «терапевтическое клонирование», суть которого заключается в том, что в результате экспериментов ученые мужи намеренно не продуцируют целый организм. Процесс его развития останавливается заранее, а получившиеся клетки используют для выращивания необходимых тканей» [17]. Последнее замечание особенно значимо, поскольку противники клонирования, в частности служители религиозного культа, стремясь создать негативное духовно-нравственное впечатление, пытаются дело представить так, будто сначала должен родиться клонированный ребенок, прожить несколько лет, и только после этого у него удалят кому-то потребовавшиеся органы [19, с. 16–17]. Однако такие представления на самом деле совершенно не соответствуют действительности.

И далее Г. Фонтанов справедливо констатирует: «Это могло бы стать настоящей революцией в медицине» [17]. Он продолжает: «Представьте себе, что в лабораторных условиях можно запросто вырастить вполне здоровую печень или почки, пересадив их впоследствии неизлечимо больным людям» [17]. С этим нельзя не согласиться. Но вместе с тем необходимо уточнить, что данная проблема должна рассматриваться в более широком контексте борьбы со смертью вообще ради достижения реального личного бессмертия и возможности восстановления человеческой жизни, реального воскрешения человека.

Все более привлекают к себе внимание и события следующего рода. Так, сравнительно недавно появилось сообщение о том, что 18 января 2008 года 51-летняя жительница Нидерландов из города Румпт недалеко от Роттердама исполнила желание своей больной дочери завести детей и стала суррогатной матерью для собственных внуков. Эта женщина при помощи кесарева сечения родила близнецов, получивших имена Луна и Мика, которые чувствуют себя хорошо. Дело в том, что ее 26-летней дочери пришлось бы ради беременности принимать опасные для здоровья и жизни медикаменты. К тому же из-за болезни ей отказали в усыновлении.

Сложившаяся ситуация осложнялась также тем, что в Нидерландах для суррогатного материнства установлен предел в 45 лет. Поэтому семья была вынуждена обратиться к уже упоминавшемуся профессору Северино Антинори. Но, поскольку в Италии запрещено оплодотворение яйцеклеток семенем мужа дочери, им пришлось для этого ехать в Москву. «Каждая мать желает самого лучшего своему ребенку», — говорит суррогатная мама Мария. По ее словам, она — обычная бабушка, только начала заботиться о внуках немного раньше других [8]. И таких случаев, вызывающих самые различные законодательные правовые и духовно-нравственные казусы и за рубежом, и в нашей стране становится все больше.

Об одном из них рассказала газета «Жизнь» [21, с. 4–5]. Из-за халатности врачей у 33-летней Ирины Паюк из Улан-Удэ крайне осложнилось течение беременности. Ради спасения ее жизни пришлось удалить ребенка вместе с маткой. Однако, к счастью, удалось сохранить один яичник. Поскольку сама молодая женщина рожать уже не могла, ей вызвалась помочь ее 55-летняя

мать — Анна Шульга. Она выносила яйцеклетку дочери, оплодотворенную семенем ее мужа, своего зятя. «Моя мама — героиня! — улыбается сквозь слезы Ирина Паук. — Она сама предложила выносить и родить мне ребенка. Беременность далась ей тяжело — все-таки 55 лет, да еще и сразу двое — но мама выстояла! Теперь у нас большая дружная семья, а мы с мамой и мужем надыхаться не можем на наших родных хлопчиков — Сашеньку и Арсения. Это счастье подарила нам мама...» [21, с. 4]. Но нельзя не добавить, что и современная наука тоже. В то же время, например РПЦ принципиально выступает не только против клонирования человека, объявляя его аморальным, безумным актом, будто бы ведущим к разрушению человеческой личности и бросающим вызов своему «Создателю», но и так называемого «суррогатного материнства» [22]. Так, по существу дела, реальные интересы людей приносятся в жертву идеологическим уступкам.

Во многих странах мира, в том числе и в нашей стране, в отношении исследований такого рода действительно сложились крайне неблагоприятные условия. Несомненно, прежде всего вследствие нарастающего процесса клерикализации во многих странах мира, включая и нашу страну, определенной поддержки консервативно настроенных ученых и политических деятелей, также нередко находящихся под влиянием религиозной идеологии, в 2005 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию, запрещающую, несмотря на некоторые оговорки, исследования по клонированию человека. И то, что среди стран, поддержавших Декларацию, оказалась и Россия, отнюдь не стало неожиданностью. Подобная позиция была вполне логичной и предсказуемой, поскольку еще в 2002 году у нас был введен мораторий на такие исследования.

Однако по прошествии двух с половиной лет после окончания срока его действия когда могло показаться, что таким исследованиям ничто больше не может помешать, Госдума РФ 10 марта 2010 года все-таки приняла закон о продлении этого моратория. Правда, более двадцати процентов депутатов Госдумы проголосовало против него, но это означает теперь лишь то, что проблема остается и надо впредь прилагать усилия для ее решения.

В сложившейся сегодня ситуации как никогда актуальной стала задача прожить как можно дольше, чтобы дождаться живым нужной необходимой степени разработки методики клонирования человека и отмены моратория. Но суждено это заведомо далеко не каждому. Поэтому сейчас особое значение приобретает проблема криосохранения всего тела умершего, его мозга и другой части организма.. Такого рода услуги предлагает московская фирма «КриоРус», пока что, к сожалению, единственная в России, да и вообще вне США, поэтому в ее криостатах дожидаются своего часа не только россияне, но и представители других стран. Я считаю, что было бы неразумно пренебречь такой возможностью. Мною и моей супругой также заключены договора на криосохранение мозга в случае нашей смерти. Но стоить все это, естественно, немалых денег. Кроме того, нетрудно представить себе ситуацию вроде падения самолета в океан или иную серьезную катастрофу и т.п., когда уже никакая фирма не сможет помочь. Поэтому возникает насущная проблема

предварительного, прижизненного сохранения той части тела, которая была бы пригодна для последующего клонирования.

Ею может стать, например капля крови, которая содержит генетическую информацию и программу жизнедеятельности данного организма [23, с. 72; и др.]. Причем взять ее можно у человека в любом возрасте, начиная с младенчества, и тогда многие проблемы сразу же будут решены, вроде той, которая возникла у овечки Долли в связи с более коротким сроком ее жизни и у других животных. Но как только мы обратились с этим вопросом и просьбой на станцию переливания крови, сразу же снова возникли серьезные правовые затруднения. Нам было разъяснено, что научные методы позволяют решить сегодня данную задачу и сохранить кровь в течение ряда лет (возможно, выходящего за пределы срока нового моратория). Однако опять-таки пока нет на это разрешающего законодательства. Иначе говоря, человек снова как бы упирается в глухую стену, не может реализовать свою свободную волю, свои чаяния, даже, по существу, весьма элементарные. Такое положение вещей, по моему убеждению, нетерпимо и недопустимо. Поэтому и в данной связи возникает еще одна актуальная задача — необходимо срочно разработать и принять соответствующие правовые нормы.

Но сложившееся сегодня положение дел с невозможностью криосохранения своей капли крови или другой необходимой клетки или ткани, тем не менее, тоже небезнадежно. Существует еще один, судя по всему, не менее реальный, а главное — всем доступный путь. Он заключается в сохранении волос с луковицей, поскольку человеческий волос, как и все остальные ткани и жидкости организма, содержит молекулы ДНК, что может быть использовано для клонирования, причем с надеждой на излечение в будущем многих наследственных заболеваний.

Несомненным достоинством сохранения человеческих волос, не имеющего «срока давности», является простота технологии и ее доступность каждому, всего два–три волоска с луковицей можно упаковать в герметично закрывающуюся прозрачную пластиковую капсулу, причем Этот для сохранения волос особого соблюдения таких условий, как поддержание определенной температуры, влажности, освещения не требуется. Сохранение капсулы, скажем, в домашних условиях станет вообще поистине «бесценным», поскольку ничего дешевле быть не может. Вместе с тем, как мне представляется, для большей надежности следовало бы сделать несколько таких капсул и хранить их в разных местах, да и вообще, было бы лучше использовать разные варианты сохранения.

В этой связи мне хотелось бы рассмотреть еще один вполне возможный и доступный способ сохранения умершего тела. Речь идет о том, что в случае смерти человека и его погребения в соответствии с принятыми современными ритуальными технологиями тело покойного обрекается на спонтанное разложение, которое так потрясло в свое время Л.Н. Толстого, и не только его. более того, оно нередко преднамеренно обрабатывается специальными реактивами, ускоряющими данный процесс. В результате необходимый для клонирования биоматериал практически не сохраняется или, во всяком

случае, его использование оказывается крайне затруднительным делом. Однако с целью максимально длительного сохранения способности тела умершего для клонирования было бы оправданным еще до его захоронения удалить из него быстро разлагающиеся части (кишечник и т.п.) и применить определенные средства бальзамирования [24, с. 12]. Но и в данном случае дает о себе знать отсутствие нужных правовых норм или, во всяком случае, их более последовательное применение.

Таким образом, современная наука и технология открывают самые разнообразные и обнадеживающие пути и средства противостояния смерти и ее деструктивному воздействию на психику человека, его мировоззрение и духовно-нравственное состояние личности [25; 26, р. 87–90]. Они создают практические основания для оптимистической и гуманистической устремленности человека в будущее, решения встающих перед ним проблем для своего же блага.

Мне очень не хотелось бы, чтобы сложилось впечатление, будто я — человек, как-то особенно «озабоченный» смертью, страшящийся ее и т.п. Отнюдь. Меня не волнует вопрос о посмертном воздаянии, прежде всего, разумеется, о вечных адских мучениях, поскольку я не считаю душу бессмертной, а лишь метафорой человеческой психики, сознания. Я отдаю себе ясный отчет в том, что со смертью для меня лично все закончится. Но, не страшась смерти, я не желаю ее, ибо жизнь, действительно, прекрасна и удивительна, безусловно самоценна. Смерть, как уже говорилось, должна быть поправа не смертью же, ибо такое поправление по необходимости превращается в ее освящение и апологию, узаконивающее и крайне усугубляющее примиренческое отношение к смерти. Смерть должна быть поправа жизнью. И проблему эту может и должен решить сам человек, опираясь на достижения научно-технического, социального и духовно-нравственного прогресса. Нам всем очень повезло, нам посчастливилось застать начало новой эры человечества — эры бессмертных, открывающей уже сегодня неведомые ранее пути и средства укрепления здоровья людей, сохранения их молодости, достижения практического бессмертия человека и его реального воскрешения. Необходимо сделать все для того, чтобы эти первые искорки вполне обоснованной и оправданной надежды не погасли, а разгорелись бы в немеркнущее сияние жизни.

Примечания

1. Толстой Л.Н. Исповедь //Лев Толстой: pro et contra. — СПб: РХГИ, 2000.
2. Толстой Л.Н. Ответ на постановление Синода от 21-22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма //Лев Толстой: pro et contra. — СПб: РХГИ, 2000.
3. Толстой Л.Н. Религия и нравственность //Лев Толстой: pro et contra.. — СПб: РХГИ, 2000.
4. Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Главное условие выживания человека //Православная беседа. — 2008. — №1.

5. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. — Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. — Москва: Издание московской патриархии, 1988.
6. Толстой Л.Н. Отец Сергей //Л.Н. Толстой. Собрание сочинений. — М: Изво «Мир Книги», 2010.
7. Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви. — СПб., [Б.Г.].
8. А.В.Алексеев. Поучения на десять заповедей закона божия. М, 1875.
9. Редер Д.Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. — М., 1965.
10. Платон. Федон //Платон. Избранные диалоги. — 1965.
11. Герцен А.И. Концы и начала //Соч.: В 2 т. Т. II. — М.: Мысль, 1986.
12. Энгельс Ф. Диалектика природы //Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд.2. Т.20.
13. Вишев И.В. Проблема личного бессмертия. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1990.
14. Вишев И.В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. — М.: Академический Проект, 2005.
15. Лось В.А. История и философия науки. Основы курса: Учебное пособие. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2004.
16. <http://www.guardian.co.uk/science/2008/jan/25/ge+netics.science>
17. Фонтанов Гаврила. Атака клонов // <http://www.mobus.com/zdorove/203304.html>
18. http://www.they.ru/2004/02/05/oa_111159.shtml
19. Борисов А., протоиерей. Еще раз об одной модной иллюзии //Наука и религия.— 2007. — № 5.
20. <http://wap.beeline.kz/news/?id=396389&uri=2f6d656e752f3f69643d3135323826703d34>
21. Яровикова Елена. Bravo, мама! //Жизнь, 2010, № 25 (23–29 июня).
22. http://www.aze.az/news_surrogatnoe_materinstvo_z_981.html
23. Вишев И.В. Цивилизация будущего — социум практически бессмертных людей //Горизонты цивилизации: сб. ст.участников Междунар. науч. конф. (Аркаим, 26–28 мая 2010). / под ред. докт. филол. наук, проф. М.В. Загидуллиной. — Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010.
24. Генжак М.В., Вишев И.В. Клонирование человека — путь к формуле бессмертия //Похоронный дом. — 2004. — № 8–9.
25. Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. — М.: МЗ-Пресс, 2002.
26. Vishev Igor. The Human Being in the Conception of Real Immortality. // In *The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions*, edited by Nikolay Omelchenko,. Newcastle upon Tyne, England: Cambridge Scholars Publishing, 2009.

Выводы

1. Религиозная нравственность и нравственность светская — полярно альтернативны, они исключают друг друга,

поскольку первая опирается на веру в существование бога, а вторая отрицает его бытие.

2. Пафосом религиозной нравственности является служение богу и ради бога как гаранта спасения, по сравнению с которым земные заботы — тлен и ничтожество, недостойные серьезного внимания. Пафос светской нравственности — служение ради человека, его реальных благ, ибо нет оснований надеяться ни на кого и ни на что больше. Проблемы человека призван решать сам человек.
3. Религиозное мировоззрение и связанное с ним духовно-нравственное настроение формируют личность, которой присуща не критичность, смиренность, пассивность, чрезмерная доверчивость, склонность к таинственному и чудесному, неверие в человеческие способности и возможности, их крайнее умаление, особенно по сравнению с божественными, патронализм и многие другие аналогичные черты.
4. Существуют своеобразные промежуточные формы, когда люди односторонне и неправоммерно отождествляют религию с добродетелью и добродетелью, не вникая в суть происходящего, не осознавая ее алогичности и т.п.
5. Религии противопоставит свободомыслие, наиболее последовательной формой которого является научный атеизм. Неправоммерно и несправедливо считать нигилизмом, ибо он отрицает существование бога ради утверждения тем самым бытия человека.
6. Религия и религиозная нравственность вследствие своей сущности и предназначения превратились в освящение и апологию реальной смерти, могучими силами, противостоящими в борьбе с ней. Наука и светская нравственность со все большей настойчивостью ищут действенные пути и средства укрепления здоровья людей, сохранения их молодости, достижения практического бессмертия человека и его воскрешения, создания достойных условий общественного и личностного бытия.